

Телохранитель Евгения Охотникова

Марина Серова

Семь убийц и одна девушка

«Научная книга»

Серова М. С.

Семь убийц и одна девушка / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Телохранитель Евгения Охотникова)

Кто бы мог подумать, что взрослые дяди, среди которых есть депутат Думы, мэр города, офицер милиции, вдруг решат поучаствовать в охоте на... человека? Как будто дело происходит не у нас, а в Голливуде, на съемочной площадке очередного боевика. В качестве жертвы они выбрали юную певицу, приехавшую в тот же курортный город, где отдыхают «охотники», подработать. Недолго бы прожила ничего не подозревающая девушка, если бы рядом с ней случайно не оказалась телохранитель Женя Охотникова. Ей тоже непонятно, откуда исходит угроза, но спасение Светланы становится делом ее профессиональной гордости. На кону жестокой игры сто тысяч долларов и жизнь или смерть обеих девушек...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Марина Серова

Семь убийц и одна девушка

Глава 1

Я встrepенулась, словно кошка, почуявшая приближение своего смертельного врага. Так же, по-кошачьи, медленно повернула голову к двери и прислушалась. Снаружи были слышны звуки, которые мне совсем не понравились. Не то, чтобы они были необычными, просто создавалось впечатление, будто в «доску пьяный» мужик шел по коридору, мотаясь от стены к стене, ввиду своей «застенчивости» и полной невменяемости. А затем, не удержавшись на болтающихся ногах, он ударился о мою дверь, то есть приложился к ней каждой клеточкой своего проспиритованного организма. После чего – опять же, судя только по тому, что доносилось до моего слуха, – медленно сполз на пыльный плиточный пол.

Все бы ничего, я бы не обратила никакого внимания – человек отдыхает по-своему, как умеет, может быть, по-другому у него просто не получается, но я услышала явственный стон. Причем, вне всякого сомнения, женский.

На улочках города Прибрежноморска, популярного в стране курорта, праздновали День независимости России. То есть было 12 июня. И этот день мне никогда не забыть.

Уже целый час под окнами пансионата, название которого я упоминать не стану, чтобы не заниматься рекламной кампанией в пользу данного заведения, взрывались петарды всевозможных модификаций. А так хотелось отдохнуть! Вернулся усталый человек (это я про себя) к себе в номер, только прилег отдохнуть, и тут же – бум! бум! Как еще за звуковой стеной взрывов я расслышала, что происходит в коридоре?

Любопытство взяло верх над благоразумием. Я поднялась с кушетки, продефилировала по направлению к выходу из номера и открыла дверь.

К моим ногам упала белокурая кудрявая головка. Темно-серый в квадратик линолеум у самого входа оказался измазанным кровью. Кто-нибудь другой на моем месте сейчас мог сказать бы: мол, пол залит темно-красной жидкостью, напоминающей по виду человеческую кровь, и так далее. Но мне такая ерунда не присуща. Если я вижу, что на поверхности пола кровь, то значит, так оно и есть, и я так и скажу. И нечего тут наводить тень на плетень.

Я тут же нагнулась над телом, подхватила упавшую девушку под безжизненные руки и затащила в свой номер. Она внезапно громко вскрикнула, и я поняла, что сделала ей больно.

Я не ошиблась. Кровоточила ее правая рука. А если говорить точнее, то плечо. Девушка открыла глаза, подсознательно пыталась зажать рану левой рукой, но у нее это плохо получилось. Плечо было залито кровью, и пальцы неуклюже скользили.

Сначала надо было закрыть дверь номера. Отпустив незваную гостью, то есть позволив ей растянуться на полу, я прикрыла дверь, заперла ее на ключ и вернулась к девушке.

– Эка тебя угораздило! Дай-ка посмотреть, что с рукой.

Я нагнулась над белокурой красавицей. Она беззвучно плакала, закрыв глаза, и прямо на глазах теряла силы.

Огнестрельная рана. Пуля пронзила мышцы и... При чем здесь, собственно, «и»? Сквозная рана, пуля неизвестно где. Может быть, застряла в растущем у дороги дереве или в стене какого-нибудь здания. Или улетела вообще неизвестно куда.

Моя аптечка была при мне. Несolidно бегать по аптекам, если вдруг случится неприятность. Год назад мы с тетей Милой делали ремонт в квартире, так она случайно задела рукой за гвоздь, торчавший из дверного наличника, и сильно пропоролa кожу. Куда лететь? В больницу? Сейчас! В автомобильной аптечке Жени Охотниковой имеется все необходимое. Рану

быстренько промыли, обработали йодом, наложили повязку и – сиди, тетушка, отдыхай. Вот и сейчас поступим так же.

Я достала жгут, перетянула руку девушки выше раны и принялась обрабатывать ее. Сначала перекись водорода, чтобы смыть кровавые потеки, стрептоцид, затем тугая – но в меру! – повязка.

Главное, чтобы рана не загноилась. Но я оказала лишь первую помощь, затем обязательно нужно ехать в больницу, где раной займутся специалисты и приведут ее в порядок, не забыв задать парочку неприятных вопросов по поводу войны на улицах. Да и в милицию следует сообщить, потому что таков порядок. В принципе врачи сами должны это сделать согласно правилам.

Теперь можно разглядеть девушку внимательней. Про белокурые крашенные кудряшки я уже упоминала. Они ниспадали до плеч, едва касаясь их. Лоб чистый, как у трехлетней девочки, чуть вздернутый нос с тонкими ноздрями, дождевое облачко серых глаз. На подбородке ямочка, как у Спартака. Вернее, не у самого предводителя римских гладиаторов, а у актера, который создал его бессмертный кинематографический образ, – Кирка Дугласа. Пухлые, почти бескровные губы. Щеки, как у игрушечной матрешки, с той разницей, что у той они красные, как болгарский перец, а у моей новой знакомой в данный момент они были зеленоватые. То ли от потери крови, то ли от страха. Скорее всего одновременно от того и от другого. Бывает и такое в нашей жизни.

– Как тебя зовут? – спросила я.

– Светлана, – едва дрогнул бледный рот.

– Отличное имя, оно мне нравится. Теперь рассказывай, что случилось.

Светлана мотнула головой, будто отгоняла надоедливую маленькую мошку, норовящую сесть ей на щеку.

– Не знаю... Ничего не знаю...

Это мне уже не нравилось. Человек попадает в мои руки с простреленным плечом и заявляет, что понятия не имеет о том, что произошло.

– У тебя рука пробита насквозь. Кто в тебя стрелял?

– Я их не знаю. Какой-то пьяница вручил мне странную записку с непонятным предупреждением, но я не обратила на нее внимания. А потом началось...

– Записка с тобой? Та самая, странная, с предупреждением.

– Нет, я ее выбросила сразу же. Чушь какая-то...

– Зря! Ты поступила совсем не умно. Неграмотно с юридической точки зрения. Нападавших было несколько?

– Не знаю... Один... А может быть, трое или четверо. Может быть, больше... Я не знаю...

Девушка бредит, больше ничего конкретного не скажешь про ее состояние. Четверо убийц посреди огромной празднующей толпы? И все с пистолетами? Идиотизм. Ладно, будем играть по ее правилам. Пока...

– Стрелял один из них или вся компания производила выстрелы?

– Наверное, все четверо... Или пятеро... Кошмар какой-то!

Так-так, количество нападавших увеличилось. Скоро придем к тому, что это был целый взвод автоматчиков. Правда, если бы на Светлану было совершено нападение с использованием автоматического оружия, то она так и осталась бы лежать там... Только где – там? На лужайке или на асфальте? Или возле бассейна на территории пансионата? Мерзавцы ловко использовали момент. Когда вокруг взмывают в воздух ракеты, издавая оглушительные хлопки, можно безбоязненно использовать стрелковое оружие. Хотя я что-то не то говорю. Если, например, пистолет с глушителем, то его выстрел и в тишине трудно услышать. В принципе звучание обычного ствола распознать можно, но это под силу только профессионалу. Пистолет и петарды звучат по-разному. Лично я не напрягалась, прислушиваясь к звукам на улице, потому что

слегка задремала. Только происходящее у моей входной двери заставило меня очнуться от навязчивой дремы.

– Довольно сложно услышать выстрелы, когда на улице такой шум. Музыка играет, все орут.

– Я не только слышала. Я их видела!

– Но попал в тебя один из тех, кто стрелял?..

Светлана кивнула.

– Я споткнулась на ступеньках, качнулась влево, и пуля попала в руку...

– Кто они? Ты смогла разглядеть их лица? Знакомые тебе люди или неизвестные?

– Я никого из них не знаю.

– Тогда что они хотели от тебя?

И снова движение головой – ответ отрицательный.

Я принялась рассуждать вслух:

– Если у тебя есть враги, то они могут нанять киллера. Но для этого должна быть очень веская причина – киллер стоит недешево, поэтому устранение тебя как нежелательное лицо должно принести сверхприбыль. Другую причину мы вряд ли найдем. Обычно за всем подобным стоят деньги, в каком бы виде они ни пришли к тому, кто желает ими обладать. Но сразу четыре или пять киллеров? Целая команда? Как они будут делить между собой зарплату? По какому принципу? Поровну? Или главная доля достанется тому, кто сделал смертельный выстрел? Остальные будут вознаграждены по мере меткости попадания в жертву? Ерунда какая-то. Другая версия – хулиганство. Однако тогда придется признать, что распоясалась шпана не на шутку, если принародно пытается стрелять по людям. Если имеет место версия номер два, то налетчиков мы вряд ли найдем. Поозорничали, так сказать, и скрылись. Хотя набить им морду не помешало бы, в целях воспитания. Если состоятелен первый вариант, то от тебя не отстанут, пока не доведут дело до конца. Хотя выбран странный способ – с разных точек да еще с помощью пистолета. Гораздо спокойнее инсценировать несчастный случай на дороге или подождать у подъезда дома с автоматом, на краденной машине. Короче, в милицию пойдем? Надо сделать соответствующее заявление. Поступить по-другому никак нельзя, это положение касается всех граждан абсолютно. И тебя тоже.

Светлана поджала губы, что должно было означать что-то типа «не знаю». Лично я так поняла.

– Думай, пока не поздно. Ты сама местная?

Девушка покачала головой:

– Из Тарасова.

– Откуда? – Мои глаза превратились в два блюдечка из кофейного сервиза.

– Тарасов... На Волге...

– Можешь не объяснять, где этот город находится. Я сама имею там постоянную прописку. Отдыхать приехала?

И снова отрицательный жест:

– Работать.

Это уже интересно.

– В качестве кого, если не секрет? Надеюсь, не девушкой по вызову? Здесь и своих девиц хватает, приезжих тоже – воз и маленькая тележка. Конкуренция большая. Прибрежноморск – популярный курорт.

– Нет. Я пою с группой.

– Известные исполнители? Скажи название. Извини, я не особенно слежу за культурной жизнью Тарасова по причине нехватки времени. Я с трудом выбрала несколько свободных дней, чтобы съездить на отдых. – Тут я немножко слукавила, чуть преувеличив суматошность своей жизни.

– Обычный музыкальный коллектив из филармонии... Просто договорились с местным начальством поиграть здесь в течение месяца в одном из диско-клубов.

Да, задачка...

– Рассуждаем дальше. Если у тебя есть враги, то они наверняка остались в Тарасове.

– У меня нет врагов. – По щекам Светланы потекли слезы.

– Точно?

Она кивнула.

– Надеюсь, что действительно так, – сказала я вслух, а про себя подумала, что это еще предстоит выяснить. – Родители пожилые?

– У меня одна мама – Александра Никифоровна Преображенская. Предпенсионный возраст.

– Брат или сестра есть? Я имею в виду родные, не двоюродные.

– Нет. Я единственная дочка в семье.

И неповторимая, наверное...

– Доля в музыкальном бизнесе у тебя есть?

– Нет. Просто получаю свой маленький процент от сбора. Всем остальным владеют музыканты.

– Самоучка или профессионал?

– Я закончила консерваторию, основная моя работа – в детском клубе. Зарплата там – никакая.

Это еще мягко сказано. Значит, Светлана педагог. Тогда коснемся ее окружения. Среди учителей, особенно женщин, много особ вздорных, скандальных и стервозных. Но единственное, на что они тянут в смысле доставания окружающих, – наорать на наиболее тихих и безответных.

– Жених есть?

– Кто?

– Молодой человек, с которым ты встречаешься при свечах.

– Нет.

– Даже ребята из группы не прельстили тебя? Обычно их боготворят.

– Нет-нет! – девушка замотала головой.

– Значит, поводов для ревности не подаешь никому?

– Ни в коем случае!.. Даже не думайте об этом.

Конечно, пока я перебрала далеко не весь список мотивов, по которым совершаются налеты на людей, но, чтобы продолжить его, мне нужно время, часа два, например. Приведу мозги в порядок и придумаю еще парочку вопросов.

– Если ты такая идеальная, то почему в тебя стреляют? Согласись, что ты чуть было не превратилась в труп! Если бы стрелок взял, – я посмотрела на плечо девушки, – сантиметров на тридцать левее, то пробил бы тебе сердце. После чего мы с тобой вряд ли разговаривали бы и обсуждали проблему неизвестных с пистолетами.

Странный какой-то случай. И вообще надо что-то делать, пока не пришла моя соседка по комнате. Марта Георгиевна, сутулая старая дева, тощая, как детский велосипед, носила очки с толстенными линзами на широком носу, бесформенный узел грязно-русых волос на затылке и имела низкий прокуренный голос, похожий на мужской. Я очень радовалась, когда ее не бывало в номере, потому что поговорить нам с ней особенно не о чем. Так, перебрасывались парой фраз о вещах, которые ничего не значат даже в жизни бомжей. Марта Георгиевна приехала сюда для того, чтобы осуществить давнюю мечту – найти себе спутника жизни. Такого же непонятного, как и она сама. Какого-нибудь маленького, лысенького, с толстенькими ляжками, в бесформенных джинсах мужчinkу. От всей души желаю ей счастья в личном плане.

Если она вдруг явится сюда не одна да еще с намеком, чтобы я часок погуляла по пляжу, то с удовольствием предоставлю ей возможность приятно провести время.

Ох не вовремя я вспомнила о соседке – в дверь номера тут же постучали. Светлана встрепнулась было, но я успокоила ее жестом.

– Это, наверное, моя соседка по комнате, не волнуйся. Она, конечно, удивится происходящему, но мы ей все объясним очень доходчиво.

Я подошла к двери, но открывать пока не стала, а спросила:

– Марта Георгиевна?

– Да, – коротко ответили из коридора низким голосом.

Я повернула ключ в замочной скважине и открыла дверь.

Вместо моей соседки по комнате на пороге стоял мужчина лет тридцати пяти, с пляжным полотенцем, перекинутым через правую руку. Гладко выбритый, с обожженным южным солнцем лицом, на глазах темные очки. Он оттолкнул меня, не отрывая взгляда от лежащей на тахте Светланы, сбросил с руки полотенце, под которым оказался пистолет. Ствол поднялся кверху и направился было в сторону девушки, которая громко закричала от ужаса. Но я ухватила кисть мужчины обеими руками, резким движением отвернула пистолет в сторону и, потянув руку киллера вниз, ударила коленом правой ноги по его запястью.

Прогремел выстрел. Пуля пролетела чуть ли не по полу и проделала безобразную дыру в нижней части дверки двустворчатого шифоньера, предназначенного для того, чтобы посетители пансионата хранили там свою одежду и прочие причиндалы.

Убийца не выпустил пистолета из руки. Он рванулся от меня и даже ударил кулаком левой руки по лицу наотмашь. Я успела нагнуть голову, и удар пришелся вскользь. Мне пришлось поднырнуть под руку с пистолетом и вывернуть ее на определенное количество градусов.

Удар ногой в живот заставил незваного посетителя согнуться и выпустить пистолет. Вторым ударом я свалила его на пол, заломила руки за спину и связала их сзади тем самым полотенцем, которое киллер принес с собой и тем самым облегчил мне работу. Правда, для того, чтобы подобрать вышеозначенный предмет, мне пришлось действовать с быстротой мангуста, проводящего разъяснительную работу среди кобр. С молниеносной быстротой, присущей только этому замечательному зверьку, я бросилась к пистолету, упавшему на пол, подобрала его и мгновенно возвратилась обратно.

– Ах, боже мой! – услышала я возглас и обернулась.

Теперь на пороге стояла недавно упомянутая мною Марта Георгиевна. Вытаращив глаза, она лицезрела эту сцену, а за ее спиной прятался мужичишка – маленький, лысенький и в очках, точно такой, какого я представляла в своем воображении. Даже насчет его одеяния я не ошиблась – на нем были бесформенные джинсы синего цвета.

– Будьте добры, Марта Георгиевна, – произнесла я, в упор глядя в ее бесцветные глаза, – не в службу, а в дружбу, позвоните в милицию. И, пожалуйста, вызовите «Скорую помощь». Кстати, нам испортили шифоньер. И к тому же здесь произошла попытка убийства.

Кто испарился быстрее – моя соседка по комнате или ее партнер, – не могу сказать точно.

Глава 2

Восемь бывших друзей-одноклассников собрались в уютном погребе под названием «Бавария», чтобы расслабиться, пообщаться и похвастаться своими жизненными успехами.

В феврале прошлого года, в первую субботу этого самого короткого в году месяца, через двадцать пять лет после окончания средней школы они встретились на празднике выпускников. Тогда-то приятели и договорились, что соберутся узким кругом в городе Прибрежноморске в начале июня, когда климатические условия вполне приемлемы. То есть пока не слишком жарко и нет еще толп приезжих со всей России.

Восемь членов теплой компании – это восемь довольно успешных в делах мужчин, достигших – каждый в своей области – определенного положения в тех городах, где они обособились, сделав карьеру. Итак, по порядку.

Иванов Сергей Александрович. Бизнесмен. Торговля электроникой. Владеет крупным магазином, реализующим магнитофоны, музыкальные центры, бытовую технику и сотовые телефоны. Возможно, на складах его магазина завалилась еще какая-нибудь мелочь вроде огнестрельного оружия. Среднего роста, заметный животик, высокие залысины, очки на узких глазах.

Кондратьев Николай Владимирович. Мэр города. И этим все сказано, уточнения не требуются. Широкоплечий, темные волосы зачесаны назад. Взгляд энкавэдэшника тридцатых годов – твердый, как чугунная ванна.

Соколов Дмитрий Иванович. Депутат областной думы. Круглое добродушное лицо, очень короткая стрижка. Почти постоянно улыбается чему-то. Хорошо подвешен язык. Наверное, именно благодаря ему Дмитрий Иванович оказался в рядах депутатов областной думы.

Фадеев Александр Иванович. Начальник ГУВД, большая шишка в городе. И, как большая шишка, его тело имеет форму овала, утолщающегося в середине, на уровне живота. Стрижен под расческу. Много пьет. Причем сначала долго не хмелеет, а затем внезапно становится пьяным в стельку, омерзительным и очень опасным.

Батталов (именно через два «т» почему-то) Марат Эльдарович. Менеджер мощной нефтяной компании. Тонкие черты лица, черные волосы, зачесанные на левую сторону. Говорит мало, слушает внимательно, кивая головой. Постоянно перебирает четки. Хороший экономист.

Головко Андрей Михайлович. Владелец радиостанции «Радио Га-Га». Ходит с плеером, слушает группу «Queen». Обожает эту глэм-четверку. Особенно ранние концерты, когда Меркьюри, Мэй, Дикон и Тэйлор культивировали глэм-рок. Невысокий, простоватая внешность, как у пастушка из сказки. Любит копченое сало.

Марчук Николай Сергеевич. Продюсер. Работает в агентстве, организующем гастроли артистов в своем городе. Рост метр восемьдесят пять. Греческий профиль. Выющиеся белокурые волосы. Сыплет анекдотами направо-налево. Ходит преимущественно в джинсах – это его любимая одежда.

Токарев Владимир Николаевич. Мафиозник. Этим тоже все сказано. Среднего роста. Мощная нижняя челюсть. Сломанный нос. Цепи на шее не носит принципиально. На левом предплечье, на внутренней его части, наколка: голый мужчина, держащий правую руку между ног. Это самая примечательная картинка, другие наколки – обычные.

Итого восемь бывших школьных приятелей. Люди разные, с разными интересами, разные по роду занятий... Но чем-то они оказались близки друг другу и сейчас, четверть века спустя после окончания школы.

Сегодня они встречались уже третий вечер подряд, баловались пивом. Место, где теплая компания проводила время, напоминала погребок, каких много где-нибудь в Германии, в Чехии или Словакии. Крутые, заворачивающие направо ступеньки. Стены отделаны лакиро-

ванной доской. На полу плитка сорок на сорок, выполненная под природный камень. Круглые деревянные столы с пятнами от пролитого пива, массивные скамейки. Прилавок небольшой, на полках «международная выставка» напитков разных сортов: от пива до коньяка. Крепкие напитки стоят на виду больше для бутафории, потому что погребок «Бавария» специализируется на пиве. Пиво холодное, привозное.

Великолепная восьмерка была единственной компанией, которая занималась активным отдыхом с пивными кружками в руках, других посетителей не было. Приятели заплатили владельцу как бы за аренду помещения на два-три часа.

Однако истекал уже четвертый час этого милого времяпрепровождения. Друзья-приятели были уже хороши. Даже господин Фадеев неуверенно поставил на стол последнюю пустую кружку, а Соколов беспрестанно бегал в туалет. Разговор стал тягучим, как бы ни о чем.

– Гавайи уже приелись. Бабы – как пробки, заскорузлые какие-то. По-моему, наши девки лучше, аккуратнее, что ли. Музыка абстрактная с их гитарами только тоску наводит. То ли дело рок-музыка! Одни «квины» чего стоят. Столько лет слушаю и все балдею.

Излияния Андрея Головки вызвали противоречивые отзывы. Если с первой частью его рассуждений все согласились, то вторая, как предмет не всем понятный, вызвала кривые ухмылки.

– А давайте махнем в следующем году, зимой, в Брянскую область, – лениво предложил Кондратьев. – Организуем охоту. Оружие у всех есть?

– Ну нет, – скривился Фадеев. – Я уже сыт по горло охотой. Да и вы, насколько я слышал, уже по сто раз и где только не охотились.

– Да, все уже надоело, – поддакнул Соколов. – В космос, что ли, слетать? За миллион долларов.

– Больше ничего не остается! – заржал Токарев. – Только, боюсь, у нас с вами бабок не хватит. Если пристрелить кого-нибудь, вот тогда не обеднеем. Уложимся в бюджет.

– А что, идея! – оживился Батталов. – Давайте на спор, кто лучше справится с заданием – убрать парня, которого мы найдем в толпе. Или девку, что еще проще. Просто выберем наугад, кто больше понравится.

– Не понял, – икнул Иванов. – Кого выберем?

– Любого, из толпы. На кого палец укажет.

– И что будет дальше? Я лично не хочу иметь неприятности с органами!

– Хорошо, давайте иначе, без личного участия. У каждого из нас есть свои люди – доверенные лица. Назовем их так – «посланцы». Их мы пошлем выполнять работу от своего имени. А работа на сей раз будет... своеобразная. У ваших людей оружие наверняка имеется. Они начинают охоту, а мы складываемся по десять тысяч долларов. На кону, получается, стоит восемьдесят тысяч. Чей человек доберется до жертвы первым, тот и получит весь банк.

– Они другу другу будут наступать на пятки, – резонно заметил Николай Марчук.

– В этом-то весь интерес! – засмеялся Батталов. – Представляете, они отпихивают друг друга, чтобы нанести решающий удар? Они начнут бороться за право сделать смертельный выстрел! Естественно, победитель спора заплатит своему подручному из тех восьмидесяти тысяч. Человек не должен работать бесплатно.

– А если он попадется? – с сомнением в голосе произнес Иванов. – Влетит в ментовку?

– Наймет адвоката, и все такое. Не мне же вас учить, как поступать в таких ситуациях.

– Не каждый согласится, – возразил Головки. – Все-таки мокрое дело.

– Брось! Бабки нужны всем. Конечно, наши подручные получают у нас неплохую зарплату, но лишняя копейка им не помешает. К тому же мы будем прикрывать своих подопечных, не бросим их в беде.

– Я не согласен, – заявил вдруг Токарев.

Все дружно повернули головы к мафиознику.

– В чем дело? Потерял квалификацию? У тебя сколько жмуриков на лицевом счету? Наверное, воз и маленькая тележка?

– Так я вам и сказал! Только не нравится мне то, что вы задумали, убирать случайного человека... Нет, это не по закону.

– По какому такому закону? Гражданскому или уголовному?

– По нашему закону, – произнес Владимир Николаевич. – Одно дело – убрать конкурента или выполнить работу, другое дело – организовывать охоту. Нет, в таком деле я не участвую. Так что на кону не восемьдесят тысяч, а семьдесят.

– Ты хорошо подумал? – поинтересовался Кондратьев. – А нам всем идея понравилась. Хотя как-то развлечемся.

– Фуфло, а не идея. Дурь. Короче, пацаны, я – вне игры.

– Ну и черт с тобой, – раздраженно махнул рукой Соколов. – Не хочешь, не надо. Только... человечка дай. У меня среди сотрудников таких специалистов нет.

– И человека не дам, мне мои люди самому нужны. Поэтому светить их не буду. Не в моих интересах.

– Человека я тебе дам, Дима, – сказал Фадеев. – Мои люди умеют обращаться с оружием, не то что некоторые слабаки.

Наверное, намек был направлен на Токарева, но тот не подал вида. Просто проглотил, и все. А может быть, не понял.

– Послушайте! – произнес Головки. – А почему бы нам не сброситься по-другому? Пусть на кону будет сто тысяч, все-таки круглая сумма. Сколько это получится на брата?

– Сейчас посчитаем. – Соколов полез за своей записной книжкой и ручкой.

Дмитрий Иванович долго сопел, подсчитывая денежки, и Токарев не выдержал:

– Ну что там такое?

– Тебе-то какая разница, если не участвуешь в деле? – загремел Фадеев, который уже был на автопилоте.

Мафиозник промолчал, не придумав ничего толкового в ответ.

Наконец Соколов произнес:

– Вышла такая цифра: четырнадцать тысяч двести восемьдесят шесть долларов на брата.

– Годится, – кивнул Фадеев.

– Минутку! – возразил Марчук. – У меня при себе нет таких денег. Как я могу обеспечить банк?

Нашлась еще парочка приятелей, у которых было туго с наличностью.

– Не беда, ребята! – улыбнулся Батталов. – Мы никуда не денемся, можно заплатить и по факту. Возможна даже рассрочка. Я думаю, нужно идти навстречу друг другу. Давайте обсудим детали. Или, другими словами, выработаем правила, которых нужно неукоснительно придерживаться. Правило первое: пользоваться только пистолетами. Никаких автоматов, гранат и финок.

– Правило второе, – сказал Головки. – Если претендент вышел из игры, то его участие не возобновляется.

– Согласны.

– Правило третье: никаких попыток с нашей стороны убрать конкурента, то есть сдать его правоохранительным органам или другим лицам, убить, – последовало предложение от Иванова.

– Согласны.

– Есть вопрос! – поднял руку Марчук. – Жертва должна знать о том, что ее будут преследовать с целью убить?

– Зачем ей это знать? – удивился Батталов. – В этом случае она будет пытаться обезопасить себя, обратиться в милицию, а это нам не на руку.

– Как раз хорошо – преодоление трудностей всегда вызывает неподдельный интерес. Глупо было бы взять и подстрелить ничего не подозревающего человека.

– Правильно, – кивнул Фадеев. – А в чем, собственно, дело?

– Так что, будем предупреждать «Бегущую впереди»? Мы ведь, как я понял, остановились на кандидатуре женского пола. Да, кстати, можно так и озаглавить нашу операцию, – сказал свое слово Марат Эльдарович.

– Будем, – кивнул Иванов. – Надо жертве дать шанс. И пусть действительно это будет девушка. С парнем возни больше – он лучше соображает, в армии служил, может быть... А насчет права на защиту... Даже преступники его имеют. – В этот момент Сергей Александрович бросил игривый взгляд на Токарева. – Таким же правом должна обладать та, кого мы выберем. Позвоним, скажем, по телефону или передадим записку.

– Ни то, ни другое! – замотал головой Кондратьев.

– Почему? – чуть ли не одновременно прозвучал вопрос от всех сразу.

– Чтобы не опознали голос и не сверили почерк!

– Никто не опознает, – махнул рукой Головки. – Написать пару слов или позвонить можно нанять за копейки кого угодно, ничего не объясняя.

– Кто за это предложение, прошу голосовать, – произнес Соколов.

Все тут же подняли руки, только начальник ГУВД малость запоздал. Вначале он допил свое пиво, а потом, спохватившись, махнул левой рукой с печаткой на среднем пальце.

– Еще одно предложение! – произнес Кондратьев. – Исполнители не должны знать друг друга лично.

– Не будут.

– И еще...

– Господи, когда же ты утомонишься! – не выдержал Марчук.

– Это последнее предложение. В любой момент мы можем отозвать своих людей и выбыть из игры.

– Но без возврата денег! – вставил Соколов. – Не хочешь рисковать – не надо. Однако сумма на кону должна быть неизменной.

– Ну и жадным ты стал, Дмитрий, – покачал головой Иванов.

– Не жадным, а справедливым. Малодушничать можно, а деньги забирать нельзя.

– Ладно! Хватит пререкаться! Берем проект за основу? – Марат Эльдарович обвел всех присутствующих ясным взглядом.

– Берем! – Члены компании подняли кверху кружки. – Пусть победит сильнейший!

– Минуточку! – подал голос Иванов. – А вдруг кто-то захочет играть нечестно?

– Что ты хочешь этим сказать? – спросил Головки.

– Я думаю, что хорошо бы пригласить наблюдателей со стороны. Они будут докладывать нам о том, как соблюдаются правила. Мы им заплатим. Немного.

– Хорошая мысль! – воскликнул Соколов. – Только кто будет наблюдать?

– Вова Токарев! – рассмеялся Марчук, за ним прыснули остальные. – Он все равно не в деле!

Не улыбался один мафиозник.

– Чего вы от меня хотите?

– Тебе все равно делать нечего, так хоть понаблюдай.

– Хрен вам, не хочу.

– Тогда пусть твои ребята присмотрят за нашими. Не бесплатно же! Дополнительный заработок никому лишним не будет.

– Я спрошу у них, но сам никакого участия не принимаю.

– Как хочешь.

Собрание еще продолжалось, но все остальные разговоры велись на посторонние темы. Однако каждый из участников задуманной охоты про себя начал прикидывать шансы на выигрыш и строить планы, как организовать свои действия так, чтобы победить.

* * *

На следующий день приятели пошли выбирать жертву. На часах было десять вечера по местному времени. Уже стемнело. Собрались все, кроме Токарева.

– Мог бы прийти ради приличия, – произнес Соколов. – У него было время, чтобы подумать и передумать. Однако не пришел.

– Ну и черт с ним! – проговорил Головкин, меняя кассету в плеере, и добавил как бы про себя: – А нас ждет незабываемая «Ночь в опере».

Остальные пожали плечами в ответ.

– В городе Прибрежноморске много приезжих, никто не найдет никакой связи между жертвой и нами, – разглагольствовал Батталов. – Кто-то приезжает, кто-то уезжает... Местный криминал тоже, надо сказать, не дремлет, действует по своему плану. У него свои задачи, у нас – свои.

– Куда двинем-то? – поинтересовался Фадеев.

– В самое людное место. Где тут народ собирается? Больше народу – шире возможность выбора для нас.

В этот момент появился мафиозник в сопровождении двух парней с такими же сломанными носами, как у босса.

– Надо же! – всплеснул руками Марчук. – В прямом эфире появился наш общий друг Вован Токарев! Слушатели нашего радио, весьма изысканная аудитория, рукоплещут у своих приемников.

– Чего разорался, блин! – буркнул мафиозник, размахивая перед носом Марчука банкой пива. Его гориллы отошли в сторонку и закурили. – Я просто шел мимо. – Смотрю, вы тут отираетесь, как проститутки в коридоре гостиницы.

– Может, надумал присоединиться к нам? Город ждет твоего решения. Почему бы и тебе не решиться – взять да и поставить на кон пятнадцать сотен баксов? – спросил Фадеев. – Или туга с деньгами?

Токарев помотал головой.

– Нет, не надумал. Руководи своими ментами и не лезь в мою душу. Просто мне интересно, кого вы выберете.

– Ему интересно... – усмехнулся Батталов. – А нам интересно, почему ты не с нами? Тебе сам бог велел поучаствовать в игре. Сноровка имеется, да и подручные всегда рядом.

– У них без вашей затеи есть работа. Кстати, они действительно могут присмотреть за вашими «посланцами». Только оплата работы – вперед.

– Отлично! А чем они сейчас занимаются? Твое пузо охраняют от излишка пива?

– Слышь, заткни свой барабан, Марат! – Токарев начал злиться, даже лицо его побагровело.

– Ладно, ладно, шучу. Если честно, то мы имеем полное право и не вводить тебя в курс нашего дела.

– Боишься, что заложу?

– Да нет. Просто если ты не с нами, то нечего и под ногами путаться.

– Хочу и путаюсь! Ты мне что же, запретишь?

– Ребята! Кончайте ругаться! – взмолился Соколов. – Давайте уже начнем обсуждение, чтобы быстрее принять решение.

– Разумная мысль, – поддержал его Иванов. – Время – деньги, главный закон бизнеса.

– И в самом деле, – согласился Батталов, бросив косой взгляд на Токарева. – Давайте для начала выберем маршрут.

– Я хотел вот что предложить, – сказал Марчук. – Когда Андрей менял кассету, то сказал: «Нас ждет „Ночь в опере“...»

– Я имел в виду концерт группы «Queen»! – сказал Головко.

Марчук взвился:

– Думаешь, я такой дурак, что не знаю про их концерт семьдесят пятого года? Короче, пошли туда, где проходит какое-нибудь концертное выступление.

– Неплохая мысль! – поддержал его Соколов.

– Тогда пошли, не будем время терять, – произнес Фадеев.

Веселая компания двинулась на звуки музыки, звучавшей вдалеке. Токарев медленно шел, немного поотстав, и изредка делал глотки из пивной банки. Его телохранители шествовали позади босса.

Поиски были недолгими. Семеро охотников подошли к ресторанчику на открытой площадке, где на высокой эстраде выступала группа музыкантов – четверо молодых людей и белокурая девушка с завитками золотистых волос. Они исполняли нечто спокойное и романтическое. Две пары посетителей танцевали под музыку. Три столика не были заняты.

Друзья хотели сразу пройти в зал и направиться к свободным местам, но путь им преградил высокий загорелый парень в белой майке с эмблемой в виде трилистника.

– Извините, сто рублей с человека только за вход. У нас играет приезжая группа, по договору, – пояснил он правила заведения.

– Нет проблем, – пожал плечами Батталов и полез в карман. Вытащив на свет тысячерублевую купюру, он засунул ее за майку парню и криво усмехнулся: – Запиши на десятерых, сдачи не надо.

Компания прошла за перегородку. Токарев остался на месте, делая вид, что ему неинтересно.

– Чего застрял? – обернулся к нему Марат. – За тебя и твоих подручных уплачено, проходи.

– Да пошел ты! – хмуро буркнул Токарев и сделал вид, что хочет запустить пустой банкой из-под пива в Батталова.

– Аккуратнее с посудой! – усмехнулся Марат.

Компания уже заняла свободный столик, за которым было всего четыре пластиковых стула. По их просьбе обслуживающие площадку парни в белых рубашках придвинули еще один стол и поставили дополнительные стулья.

Семерка уселась за сдвоенный столик, оставался свободным еще один стул. Друзья обернулись, с любопытством глядя на Токарева. Тот постоял немного снаружи, но потом все же зашел внутрь вместе со своими гориллами, однако сел за другой стол, предварительно демонстративно сунув Батталову три сотни.

– Не люблю быть в долгу.

– Как хочешь.

Компания заказала себе холодного пива.

– Ну, что будем решать? – спросил Фадеев. – Надо прибиваться к какому-нибудь берегу, к правому или левому.

– «Ночь в опере» уже наступила, – произнес Марчук. – Предлагаю выбрать вон того блондина официанта с лицом гея. Если окажется, что он и в самом деле голубой, то одним педиком в нашей стране станет меньше. К тому же он местный. Узнаем, где живет, и начнем действовать. Черт, забыл, что мы решили выбрать женщину.

– Это неинтересно, – произнес Головко заговорщическим шепотом. – Нагнитесь ко мне и не поворачивайте головы. – И когда друзья придвинулись к нему, тихо продолжил: – Лучше

будет, если мы подстрелим Вована Токарева. Чего это он откололся от нашей компании? Шутка! Ха-ха-ха!

– Идиотские же шутки у тебя! – прошипел Иванов. – Его личное дело – участвовать в игре или не участвовать. Насильно никто никого не заставляет.

– Да ладно! Я просто пошутил. Только говорить ему об этом не надо, а то еще обидится. Токарь – мужик с характером.

– Это мы знаем, – произнес Кондратьев. – А как вам нравится вон та цыпочка? Ну, которая поет? Интересно, она местная или откуда-то прибыла сюда?

– Солистка? – вытянул шею Головки, прислушиваясь к голосу девушки из выступавшей группы, и в нем сразу заговорил профессиональный интерес. – А между прочим, неплоха. Из нее можно сделать звездочку. Сменить репертуар, пустить в эфир. Можно начать с моего радио. Надо бы познакомиться с ней поближе.

– Идиот, разговор идет об объекте нашей игры, – зашипел Фадеев. – Мы же выбираем жертву нашей фантазии.

– Ребята, мне ее жалко, – протянул радиобосс. – Может быть, найдем кого-нибудь другого?

– А я думаю, что девчонка – вполне подходящая кандидатура, – произнес Соколов. – Чего долго выбирать? На вид она хрупкая, кулаками размахивать не будет. Остановится, чтобы в зеркало посмотреться, вот тебе и неподвижная мишень.

– Да ты, оказывается, опытный убийца, депутат, – засмеялся Марчук. – Вот чему вас учат на парламентских сессиях.

– Скажешь тоже! – фыркнул Соколов. – Просто я умею фантазировать.

– Ну-ну... А теперь пофантазируй, в какую часть тела девчонки ты прикажешь стрелять своему наемнику. В грудь или в попку?

– Без разницы, чего тут фантазировать – буркнул, вмешавшись, Кондратьев. – Контрольный выстрел в любом случае будет произведен в голову.

– Умно излагаешь, начальник, – усмехнулся Фадеев. – Короче, голосуем. Мне эта кандидатура нравится, я ее поддерживаю. Большинство голосов определяет выбор.

– Как хотите, – махнул рукой Марчук. – Слушайте, а каким образом, интересно мне, мы будем сейчас голосовать? Руки, что ли, вверх поднимать на виду у всего здешнего народа?

– Поднимем пивные кружки, – предложил Батталов. – Кто против, пусть держит пиво на столе.

Несмотря на предыдущие разногласия, все семеро подняли свои кружки кверху и даже залпом выпили пиво.

– Ядреное! – крикнул Иванов. – Неплохое пиво тут подают, надо вам сказать.

– Значит, берем за основу принятое решение? – еще раз переспросил Кондратьев.

– Берем водки и обмываем решение, вот что мы сейчас делаем, – сказал Фадеев.

Все тут же согласились, намекая на то, что пивом судьбоносные решения не обмывают. Тот самый светловолосый официант, которого Марчук предлагал как кандидатуру на роль жертвы под номером один, принес две бутылки водки и семь рюмок.

– Как насчет закуски? – поинтересовался Иванов. – Помидорчиков с кинзой можно устроить? И лаваш.

– Сию минуту организуем, – ответил парень и убежал на кухню.

– Он совсем не похож на голубого, – пожал плечами Соколов. – Приятный молодой человек.

– Понравился? – осклабился Головки.

– Ты на что намекаешь? – попробовал было обидеться депутат.

– Никаких намеков, – примирительно поднял руки владелец радиостанции. – Я же знаю, что у депутатов туго с чувством юмора.

Водку тут же разлили по рюмкам. Занимались этим лучшие специалисты по вопросам питания – Фадеев и Кондратьев.

– За успех! – поднял рюмку Иванов.

– И за победителя! – произнес Марчук.

– За честную игру! – добавил Соколов.

– Поднимем наши бокалы! – подытожил Головко.

Все дружно выпили, закусили помидорами, порезанными на четвертинки.

– Последний вопрос! – слегка захмелев, произнес Кондратьев. – Когда начнем играть?

Батталов посмотрел на часы.

– Ну, когда наши люди будут готовы... К завтрашнему дню успеем со всеми договориться?

– Дня три надо, по-хорошему, – произнес Фадеев. – Операция должна быть тщательно разработана.

– И чего здесь разрабатывать? – усмехнулся Марчук. – Указываешь исполнителю, то есть посланцу, на жертву и предупреждаешь: не успеешь – не получишь денег. Вот и все дела.

– Короче, – назидательным тоном произнес Батталов. – Предлагаю сделать это ровно через три дня. Начало операции в двадцать два ноль-ноль. Ни секундой раньше. Если кто-то делает фальшстарт, то тут же выбывает из игры. Пусть используют всю свою фантазию для достижения цели. Кстати, вы не забыли, что нельзя убирать с пути конкурента? Если что, тут же сдаем нарушителя ментам, и он будет сидеть в тюрьме.

– А если нарушитель расскажет про нас на суде? – опасливо произнес Соколов.

– Есть такая опасность, – кивнул Батталов. – Но мы примем меры. Денежки в общак сдаем уже завтра. Кто может, конечно. К остальным просьба – подсутиться и перевести в Прибрежноморск нужную сумму. Не позорьте себя, признаваясь в безденежье. Кого выберем казначеем?

– Предлагаю Кондратьева, – сказал Головко. – Мэр города знает, как пользоваться деньгами.

– Ни за что! – воскликнул Батталов. – Мэры – известные казнокрады!

– Обижаешь! – погрозил кулаком Кондратьев. – Ну ты и гад, Марат!

– Извини, друг, но слишком часто твои коллеги портят показатели стране. Короче, никого из государственных служащих в казначеи не берем. Предлагаю Серегу Иванова. Он предприниматель, цену деньгам знает. Возражения есть?

– В принципе нам все равно, – кивнул Соколов.

– Вот и замечательно. Значит, двенадцатого июня в двадцать два ноль-ноль. Кстати, насколько я помню, в этот день отмечается какой-то праздник. Надо будет подкинуть ей записку с содержанием типа: «Берегись». Или напишем еще что-нибудь в таком же роде. Найдем какого-нибудь алкаша, который отнесет ее. Будет лучше, если он будет под кайфом.

Мимо прошел Токарев. Он поставил на стол, где сидели его друзья, пустую бутылку из-под пива и сказал:

– Девочку выбрали? Мои парни могли бы снять ее со сцены прямо сейчас, и проблем бы не было. Я тут же стал бы победителем. Только делать этого я не буду, потому что глупостями не занимаюсь. Я – пацан серьезный, в отличие от вас, недоносков.

Слегка покачиваясь, мафиозник ушел с площадки.

– Откуда он узнал? – ошарашенно спросил Иванов.

Глава 3

Милиция прибыла быстро. Наверное, по случаю праздника служба велась в усиленном режиме и реагирование было ускоренным, как никогда. «Скорая помощь» где-то задержалась и приехала позже. Марта Георгиевна также не показывалась. Наверное, испугалась того, что произошло. А мне почему-то показалось, что она все же вернется, предстанет передо мной и доложит по-военному: «Дорогая Женечка Охотникова, ваше приказание выполнено, милиция и „Скорая помощь“ проинформированы о случившемся. Разрешите идти? Есть!»

На пороге номера появились трое мужчин в бронежилетах, одетых на форменные милицейские рубашки с короткими рукавами, и в шлемах, с автоматами в руках. Позади них шел лейтенант в обычной форме. Белобрысый молодой человек лет тридцати, нос картофелинкой, светлые ресницы, кожа лица как у индуса. В руках черная папочка для документов, на правом боку кобура.

– Лейтенант Корнейчук, – представился он. – Что здесь у вас для нас?

Ну и фраза! Одновременно и витиеватая, и простая. Прямо готовое клише для подобных случаев.

– Попытка умышленного убийства, – ответила я, кивая на лежащего на полу неудавшегося киллера.

– Правда? – лейтенант внимательно посмотрел мне в глаза. – Профессиональными терминами изъясняетесь. Юрист по образованию?

– Почти, – сообщила я. – Работаю по схожей специальности.

– Понятно. И это вы его так спеленали?

– Моих рук дело, – скромно произнесла я.

Милиционер присвистнул.

– Ого, владеете восточными единоборствами?

– Немного. Самое главное – пистолетик подберите. Мы его не трогали, лежит как лежал. Корнейчук нагнулся над киллером.

– Ты кто? Откуда? Местный? Из Прибрежноморска? Нет?

Парень молчал.

– Он вряд ли заговорит без адвоката, – сказала я. – Без толку стараетесь.

– Ладно, посмотрим. Кстати, ваши показания нам пригодятся. Сейчас сядем и все запишем. Вы приезжая?

– Отдыхающая. Из Тарасова.

Корнейчук повернулся к коллегам по работе.

– Ладно, ребята, грузите.

Двое парней в жилетах, закинув за спины автоматы, подхватили киллера и поволокли на выход, бросив на меня любопытный взгляд. Корнейчук сел за стол и раскрыл папочку.

– Итак, начинаем составлять протокольчик.

Мы успели записать только две строчки, как дверь распахнулась и в комнату ворвались два врача. Мужчина и женщина.

– Где тут раненая?

Увидев девушку и быстро сориентировавшись в обстановке, они прошли к тахте.

– Ей оказана первая помощь, – сказала я.

Врачи осмотрели плачущую Светлану, которой было очень больно.

– Идти можете? – спросил мужчина. – До машины сумеете дойти?

– Лучше организуйте носилки, – сказала я. – Кстати, я хочу сопровождать ее.

Тут возмутился Корнейчук.

– Но мы еще же не закончили составлять протокол!

– Так давайте закончим это быстрее.

Стали возражать врачи.

– Девушка, нам некогда ждать, сегодня праздник, очень много вызовов. Народ гуляет.

– И что же мне делать? – спросила я. – Разорваться на две части?

– Выбирайте: можете приехать в больницу потом, после того как подпишете протокол.

– Ну нет, я Светлану теперь никуда от себя не отпущу! Лучше я завтра с утра пораньше прибуду в управление. Кстати, где оно находится?

Лейтенант сообщил мне адрес, который я записала в свою записную книжку. И очередной раз сама для себя отметила, что мой «ноутбук» пора сдавать в «архив» и заводить новый. Адреса и телефоны моих многочисленных клиентов и не менее многочисленных Управлений внутренних дел, отделов и кабинетов не оставили живого места в моей записной книжке.

– Завтра, ровно в девять я вас жду в кабинете номер девять.

Почти стихотворная фраза лейтенанта показалась мне смешной, и я улыбнулась. Хотя настроение к тому не располагало.

– Буду, – кивнула я, прогнав улыбку, и тут же поправилась: – Надеюсь, что буду.

Врачи помогли Светлане подняться с кушетки, но дальше этого дело не пошло. Ноги девушки подкосились, и она упала бы, если бы я вовремя не подскочила и не подхватила ее.

– Осторожнее, товарищи! – возмутился тут даже милиционер Корнейчук. – Надо более добросовестно относиться к своим обязанностям. Клятву Гиппократы забыли, что ли?

– Придется идти за носилками, – посетовал мужчина, проигнорировав замечание лейтенанта насчет клятвы Гиппократы, и вздохнул: – Водитель будет недоволен, он вечно ворчит, когда дело касается погрузки.

– «Погрузки»? – переспросила я. – Ничего себе формулировка! Что же получается, больной человек для вас вроде вещи? Интересно только, мало – или крупногабаритной? Или нечто среднее между первым и вторым? Человек ранен, вот оно – гостеприимство города Прибрежморска. А перевезти человека в больницу, по-вашему, целая проблема! У девушки уже острая сердечно-сосудистая недостаточность из-за ранения, поэтому ноги не идут, а вы о настроении водителя беспокоитесь.

– Откуда вы знаете диагноз? – сквозь зубы процедила, зло прищурившись, женщина. – У вас медицинское образование?

– Нет, – пробормотала я. – Мое образование несколько другого характера. Но его хватает, чтобы догадаться о диагнозе. В общем, мне кажется, хватит нам заниматься разговорами, пора дело делать. Где ваши носилки? В машине? Пошли быстро, девушка теряет силы.

– Вы что же, понесете раненую в машину? – с явной надеждой в голосе произнес мужчина-врач.

– А почему бы и нет, раз больше некому это сделать, – был мой ответ.

Весь этот, мягко говоря, странный разговор со скучными лицами слушали милиционеры в бронежилетах. Они уже отвели киллера в «воронку» и успели вернуться.

– Стоп! – рявкнул вдруг лейтенант Корнейчук. – В конце концов, здесь есть и настоящие мужчины! А ну-ка, бойцы! – скомандовал он ребятам в униформе. – Давайте поможем медицине, она без нас не справляется.

– Давно бы так, – выдохнул один из парней в камуфляже.

Сейчас я не смогла бы описать внешность ни одного из милиционеров, потому что описание получилось бы одинаковым: зеленые в коричневых пятнах брюки, толстенный жилет, пробковый шлем путешественника по Индии и табельное оружие. Все! Индивидуальные черты тухнут под давлением униформы, получается нечто аморфное.

– Девчонка закидает, а мы стоим и смотрим. Пойдем, братишка, принесем эти чертовы носилки.

Он закинул за спину автомат и вышел из номера. Его товарищ последовал за ним.

- Молодцы, ребята, – чуть не прослезилась женщина. – Выручили, можно сказать.
- А как же, – поддакнул Корнейчук. – Кто поможет народу, кроме родной милиции?
- Вы правы, как всегда, – кивнула я.

Наконец принесли носилки. Светлану бережно переложили на зеленоватую с бледными пятнами брезентовую поверхность и понесли в машину.

- Вы все-таки едете с нами? – спросил мужчина-врач.
- Конечно! – ответила я. – Мало того, я пойду первой.
- Разве в этом есть необходимость? – удивилась женщина.
- Конечно, есть. Послушайте меня и не настаивайте. Я сделаю так, как сказала.
- Послушайте, а как же протокол! – привычно воскликнул лейтенант, но тут же сам одернул себя: – Да ладно...

И захлопнул папку.

Я вышла на крыльцо пансионата первой и осмотрелась. Вроде бы все спокойно, небольшая группа молодежи с бутылками пива в руках, две тетушки преклонного возраста, щебечущие друг с другом, старичок в синих обтрепанных джинсах, рассеявшийся прямо на ступеньках. Перед крылечком стояла «Газель» с опознавательными знаками «Скорой помощи». Никто не обращал на нее внимания. Тепловые удары, пищевые отравления и случайные травмы по пьянке были обычным явлением в жизни отдыхающих. «Скорая помощь» приезжала сюда по вызовам несколько раз на день.

- Все в порядке? – послышался голос лейтенанта позади меня.
- Вроде бы, – неуверенно произнесла я. Не люблю сомневаться, но есть такая вещь, как интуиция. Она предупреждает об опасности заранее, диктует основную линию поведения и заставляет быть осторожной. И сейчас я почему-то не чувствовала себя спокойно.
- Так, ребята, грузим носилки в машину, – прозвучала команда мужчины-врача.

Светлана, словно на паланкине, поплыла по направлению к машине.

И вдруг на балконе одного из номеров на третьем этаже показался человек с пистолетом в руке. Я заметила его случайно, лишь потому, что повернулась назад и подняла глаза кверху.

– Сверху, сзади! – выкрикнула я, инстинктивно прыгая на носилки, чтобы заставить их опуститься вниз и таким образом хоть немного отдалиться от стрелка. Поступила я не совсем разумно. Ведь на мне не было бронежилета, который я ношу при активной защите клиента. Я же сейчас, в общем-то, по стечению обстоятельств начала выполнять свои профессиональные обязанности. Светлана не являлась моей клиенткой. Но пуля, предназначавшаяся Светлане, могла прошить меня насквозь и даже более того. Хотя что может быть «более того», если тебя прострелят насквозь?!

Среагировали омовцы. Вот что значит выучка! Двое парней, те, что несли носилки, тут же опустили их вниз, а сопровождавший их товарищ мгновенно развернулся и дал короткую, прицельно точную очередь по балкону.

Пули отбили кусочки бетонного ограждения балкона, пыль посыпалась сверху на головы отдыхающих. Деда в джинсах сдуло со ступенек, две бабушки, явные завсегдатаи околоподъездных ток-шоу, рухнули на асфальт, хватаясь за сердце. А молодежная компания поступила так, как обычно поступают юные любители пива: девки визжат, а парни стоят, отклячив нижние губы и вытаращив глаза.

Человек с пистолетом тут же исчез. Он заскочил в номер, балкон которого был только что обстрелян, и скрылся внутри.

Я начала соображать, что делать, со скоростью компьютера «Пентиум-4». Попробовать найти киллера и обезвредить его или остаться со Светланой, которой сегодня за короткий срок уже два раза угрожала смертельная опасность? И раз покушения на нее сыплются буквально как из рога изобилия, возможно, будет угрожать еще не раз. Кто знает?..

Решение принято!

– Пусть один останется с раненой, остальные за мной!

Конечно, я повела себя нахально, потому что на чужой территории я никто и зовут меня никак. Лейтенант Корнейчук даже открыл рот, чтобы возразить мне, но я уже исчезла в холле пансионата, стремясь вверх по лестнице.

Сзади послышался шум, будто советские танки ломанулись на заграждения противника. На мгновение обернувшись, я увидела, что два омовца следуют за мной, прыгая через две ступеньки.

– Покарауль у входа, – ткнув наугад в одного из парней рукой, крикнула я и продолжила движение вперед, расталкивая удивленных отдыхающих, которые, как назло, начали выползать из своих номеров, мешаясь под ногами. Начался час пик, что ли?

Первым делом я рванула на третий этаж, ведь стрелка видели именно там. На ходу я попыталась вычислить, в каком из номеров он скрылся, но потом решила, что будет проще толкнуть дверь каждой комнаты и посмотреть, что будет. Конечно, я рисковала при этом нарваться на пулю, но рисковать мне – не привыкать.

Прикинув, где приблизительно находится тот злополучный номер, я добежала до середины коридора и толкнула дверь с номером 24 на табличке.

– Привет! – услышала я, как только дверь открылась.

Веселая компания, состоявшая из пятерых парней и трех девчонок. Пустые пластиковые бутылки из-под пива, разбросанные по комнате, потные полуголые тела и красные лица, покрытые капельками пота.

– Заходи, красивая! – крикнул один из парней, толстый брюнет с широким улыбчивым лицом и ясными голубыми глазами.

Я захлопнула дверь и поспешила дальше. Номер двадцать шесть оказался запертым. Я прильнула к замочной скважине. Комнату хорошо было видно, спрятаться в ней негде. Короче, номер был пуст.

Комната двадцать семь.

Я толкнула дверь. В номере находилась пара, молодой человек и девушка, только они занимались совсем не тем, чем занимаются молодые люди, оставшись наедине. У обоих руки были схвачены наручниками сзади, а на губы наклеена клейкая лента.

– Вот блин! – вырвалось у меня.

Я подскочила к молодому человеку и резким движением сорвала ленту с его губ.

– Ой!

– Не ойкай, в твоей жизни этого будет еще много. Я имею в виду моменты, когда придется ойкать. Что случилось? Мужчина с пистолетом ворвался в ваш номер, угрожал, заставил лечь на пол, надел наручники и заклеил рты?

– Да, так оно и было! Откуда вы знаете?

– Я экстрасенс. Что было дальше?

Я села на пол, на глазах изумленных влюбленных сняла с ноги левый ботинок, под стелькой которого хранила некоторые полезные вещи, используемые мною в работе. В частности, ключ от наручников.

Общаясь таким вот образом, я освободила ребят от «браслетов», предоставив девушке самой срывать клейкую ленту с губ.

– Он вышел на балкон и затаился там. А потом выбежал из номера.

– Куда побежал?

– Мы этого не видели. Клянусь богом!

– Этого не нужно. Так, ребята, никуда не уходите. Таков приказ!

М-да... выбежав из номера, киллер мог отправиться куда угодно, вверх, вниз, направо, налево, нырнуть в другую комнату. Вполне возможно, что у него мог быть сообщник среди работников пансионата или отдыхающих.

Пробежав по коридорам, поднявшись под самую крышу и немного постояв у люка, ведущего на крышу, но запертого на замок, я спустилась обратно и увидела, что здание наполнили люди в камуфляже с автоматами в руках.

– Я вызвал подкрепление, – сообщил Корнейчук, с которым мы столкнулись нос к носу на втором этаже. – Ребята прочешут пансионат и найдут террориста. Жаль, что директора сейчас нет, надо бы ему мозги вправить насчет вооруженных людей в здании.

Но... обыск не дал никаких результатов. Человек с пистолетом исчез, будто его и не было. Проверить всех и каждого, кто проживает в пансионате, – дело не одного дня. Многие начнут высказывать недовольство, у людей будет испорчен отпуск... Одним словом, каша заварится большая и липкая.

Я спустилась вниз на улицу.

Кареты «Скорой помощи» у входа в пансионат не было.

Глава 4

В сердцах я выругалась, что позволяю себе крайне редко. Стоя на бетонных, в мелкую трещинку ступеньках пансионата, я чувствовала, как злость просто переливает меня. Понятное дело, что раненого человека нужно доставить в клинику, но русским же языком сказано было – я должна отправиться вместе с девушкой! Что тут неясного? Такое впечатление, будто этот город населяют одни бестолковые. Не такое уж у девушки и тяжелое положение – раненое плечо. День-два – и можно подтягиваться на перекладине. Ну хорошо, три-четыре, максимум неделя ей потребуется, чтобы прийти в себя.

Я бросилась к Корнейчуку. Милиция должна знать все.

– Куда они повезли раненую девушку?

– У нас единственная клиника, где есть хирургическое отделение. Так что скорее всего ее отправили именно туда.

Я начинала терять терпение. Медленно, но верно. Еще немного и...

– Дайте машину! – потребовала я.

Быть может, я совсем обнаглела, команду напропалую, но ведь речь шла о жизни и смерти человека. Как ни странно, лейтенант совсем не обиделся, а даже, наоборот, быстро согласился со мной. Прямо чудеса в решете.

– Могу дать «уазик». Если он вам подойдет. Если же этот вариант вас не устроит, то...

– Годится! Я поведу!

На этот раз номер не прошел. Не все кошке жирные мыши. Лейтенант, выражая крайнее упорство, замотал головой.

– Да вы что! Ни в коем случае! Если я позволю вам кататься на служебной машине без разрешения моего прямого начальства, то с меня башку снимут и нагайкой отстегают. Прилюдно! Вас это устроит? Меня – нет.

– Хорошо, я не желаю неприятностей для вас. Тогда пусть меня отвезет ваш водитель.

– Сейчас дам команду. Только прошу вас, не проявляйте инициативы сами!

Мне стало немного неловко от мысли, что я могла нагнать на милиционера такого жуткого страха. Тем не менее мне позволили сесть в «уазик». Водитель, парень лет двадцати пяти, стриженный под расческу, бросил на меня настороженный косой взгляд.

– Едем в клинику, – сказала я, предварительно поздоровавшись.

– Никакого покоя, – проворчал водитель, включая первую скорость. – Нет чтобы постоять спокойно, так заставляют гонять машину туда-сюда. Государственный бензин тратить – последнее дело. Когда в этой стране закончится бардак?

Я не перечила. Одно из двух: или у парня плохое настроение, или он по жизни ворчун. А насчет государственного бензина пусть не втирает мне лажу – никто еще не отказался от такой лафы, как бесплатное топливо для отечественного двигателя внутреннего сгорания. Кто использует его в личных целях. Если представляется такая возможность, конечно.

Парень сразу взял хороший скоростной темп и гнал по улицам Прибрежноморска. Это меня вполне устраивало, потому что таким образом мы, вероятно, даже нагоним машину «Скорой помощи». Через пять минут после того, как мы отъехали от пансионата, я рискнула задать вопрос:

– Далеко ехать? Где находится эта клиника? Дорога, ведущая в больницу, одна? Или мы можем разминуться со «Скорой»?

Впереди гроыхнуло нечто, будто столкнулись два транспортных средства.

– Дорога одна, будь она неладна. А находится больница не близко. – У водилы, кажется, снова начался приступ недовольства. – Мало того, что ехать черт знает куда, так еще трасса перегорожена!

И действительно, впереди виднелся автомобиль «Газель», сошедший с трассы и уткнувшийся в фонарный столб. Рядом, прямо посреди проезжей части, стояла измятая, как туалетная бумага, «девятка» красного цвета.

Мой водитель начал было тормозить, чтобы развернуться и отправиться обратно, но я вскрикнула:

– Куда?! Наоборот, подъезжай ближе! Это же та самая «Скорая помощь», в которой везли Светлану!

Парень, ругаясь на чем свет стоит, поминая всех святых вместе взятых, поддал газу и помчался к месту аварии.

– Ну, блин, держись! – сквозь зубы выдохнул водитель.

Я, конечно, видела в своей жизни многое, сама иногда чудила за рулем, когда того требовала обстановка, но сейчас у меня стало немного тоскливо на душе.

– Эй, осторожнее! – выкрикнула я. – Хочешь, чтобы твой «УАЗ» стал третьим участником аварии?

– Вот повезло! – выругался парень. – Психопатка свалилась на мою голову!

Он нажал педаль тормоза, и машина остановилась в пяти сантиметрах от габаритных огней «Газели». Потом, когда все затихло, я специально проверила дистанцию и убедилась, что почти не ошиблась в оценке расстояния.

Два желтых фонаря справа и слева мигали с определенным интервалом времени, подавая сигнал аварийной остановки. От задних дверей «Скорой помощи» отскочили каких-то два парня, которые хотели их открыть. Их спугнул наш резко останавливающийся «уазик». Если бы они этого не сделали, то его бампер, мощный, как балка железнодорожного моста через Волгу, просто расплющил бы их.

Я выскочила из «уазика», но лучше бы этого не делала, потому что в дверку, рядом с моей головой, ударила пуля.

– Пригнись! – крикнула я водителю, одновременно падая на горячий асфальт. – Здесь стреляют!

Не знаю, как он воспринял мои слова и последовал ли моему совету, но я услышала, как он стал кричать в микрофон милицейской рации:

– Первый! Первый! Перестрелка на углу.

Я не стала слушать названия улиц, которые он диктовал, я затаилась за «Газелью» и стала прикидывать дальнейший план действий.

Скоро прибудет подкрепление, если только милиция вовремя среагирует на радиосообщение водителя «УАЗа». По логике оставалось только ждать.

И вдруг я услышала характерные звуки – в обшивку «Газели» впились пули. Я различила хлопки обычного пистолета типа «ТТ», а едва слышные выстрелы других стволов были похожи на те, которые издают пистолеты, снабженные глушителями.

Я увидела, что к нам бежит мужчина с пистолетом. Но вот что у него за намерения? Через мгновение я поняла, что он отнюдь не на нашей стороне.

Особенно я возмутилась в душе, когда он ухватился за дверку «УАЗа». Видимо, наша машина мешала ему добраться до «Газели». Что бандит собирался делать – отогнать «уазик» в сторону, застрелив водителя, или выполнить какой-нибудь другой маневр, – я не знала. Да и некогда мне было думать о намерениях нападающего.

Потому что как раз в этот момент человек с пистолетом оказался стоящим ко мне спиной. Допустить, чтобы киллер открыл дверцу и выстрелил в водителя, пусть даже ворчливого, я, естественно, не могла.

Я подсекла бандита ударом ноги, и тот опрокинулся навзничь. В ту же секунду я насела на него, ударила кулаком в подбородок и выхватила пистолет – «ТТ» без глушителя. Я не ошиблась, определив оружие на слух по выстрелам. Наконец-то во всей этой кутерьме со стрельбой у

меня в руках было оружие. Пусть и чужое – ведь собираясь на отдых, я никак не предполагала, что попаду в подобную заварушку, и не взяла с собой собственный пистолет. Однако теперь я вооружена и смогу попытаться как-то противостоять атаке неизвестных убийц.

Я отбежала в сторону и спряталась за «Газелью». Выглянув из-за нее на секунду, увидела еще двоих мужчин, приближающихся к машине.

Будь что будет!

Я открыла огонь по бандитам. Выстрелы прозвучали, словно из нескольких бутылок шампанского вылетели пробки. Но была я не прицельно – в мои планы не входило намерение оставить на асфальте два трупа, чтобы потом объяснять работникам органов правопорядка, зачем я это сделала. Не люблю отвечать на вопросы типа «что» да «почему».

Мужчины бросились назад. Однако нападающих оказалось больше, чем двое. Я выглянула из-за машины «Скорой помощи» и чуть было не получила пулю в лоб. С той стороны обнаружили еще двое желающих пострелять. Пришлось выпустить пару пуль в их направлении.

Щелк! Щелк!

Все, кончились патроны. Ну, сейчас мне придется туго.

И в этот момент один из нападавших споткнулся и рухнул на асфальт. Там и остался лежать, неподвижный, словно окаменевшая глыба.

Сразу после этого, к моему удовольствию, противник отступил. Мужчина, которого я обезвредила, тоже исчез. Пришел в себя после моего удара несколько раньше, чем я рассчитывала. Вот так, стоит зазеваться на секунду, и все идет не как задумалось. Досадно, его тоже не помешало бы сдать правоохранительным органам, как и предыдущего, скрученного мной в пансионате. На этот раз не повезло, придется признать.

Я заглянула в кабину «УАЗа».

– Жив?

– Ну е-мое! – Это было, пожалуй, самое безобидное восклицание, которое я услышала из уст водителя, распластавшегося под собственным сиденьем. – Так и знал, что такая вот петрушка получится! И подкрепление не едет, блин!

– Слава богу, ты жив, парень, – выдохнула я. – Послушай, не в службу, а в дружбу, будь любезен, сдай немного назад. Я хоть посмотрю, что происходит там, внутри «Газели».

А внутри кареты «Скорой помощи» не было ничего хорошего. Светлана без сознания лежала... нет, не на специальной автомобильной кушетке, а прямо на полу. В салоне находился и знакомый мне мужчина-врач. Он упал на ноги девушки. Белый халат врача был в крови. Я попыталась нащупать пульс, но пульса не было.

Женщина-врач, сидевшая в кабине, забилась под сиденье. Точно так же поступил и водитель «Скорой помощи». Когда я открыла дверку, женщина громко вскрикнула, а потом, увидев всего-навсего меня, залилась горячими слезами.

– Господи! Что же это такое творится на белом свете!

Где-то я такое уже слышала.

Водитель «Газели» пришел в себя. Чертыхаясь, он с трудом выбрался из-под руля, выпрыгнул из кабины и, пошатываясь, прошелся вокруг машины, «подсчитывая убытки».

Вой сирен раздался прямо над ухом. Три «десятки» с мигалками и автобус со звуком ОМОНа окружили место происшествия. Тут же подоспела еще одна машина «Скорой помощи». На сей раз это была не «Газель», а древний бежевый «РАФ», скрипевший всеми рессорами. В прибывшей бригаде медиков были двое мужчин – один высокий и худой, как Дон Кихот, а второй низенький. Вместо того чтобы заняться делом, то есть раненой девушкой, они начали что-то обсуждать с женщиной-врачом, которая уже успела оправиться от шока и принялась рассказывать о том, что здесь произошло.

– Слушай! Еще одно покушение, что ли? – Из «десятки» выпрыгнул лейтенант Корнейчук собственной персоной. – Что за дела? Сколько живу на свете, такого беспредела не припомню. Прямо война без правил.

– Я тоже не могу вспомнить такого кошмара, хотя много чего повидала на своем веку, – были мои слова ему в ответ. – Надо срочно перенести девушку в другую машину «Скорой помощи». А вот врач, по-моему, мертв.

– Труп? – переспросил лейтенант. – Дождались. Слушай, тут целая банда орудовала, что ли? Прямо сицилийская мафия, точно! Всю машину изрешетили! Ремонту на многие тысячи рублей. Легче новую купить.

– Хватит болтать, помогите кто-нибудь перенести девушку в другую машину! – разозлилась я.

Пока я осторожно перекладывала тело погибшего врача, убирая его с ног Светланы, подошли двое милиционеров, чтобы помочь.

– Товарищ лейтенант! Здесь еще один труп! – раздался крик с дороги.

– Не понял!

– Парень лет тридцати. Кто – то подстрелил его в спину.

Я похолодела. Вдруг это убийство повесят на меня? Я ведь тоже стреляла! Хотя, насколько мне помнилось, бандит упал подстреленный уже после того, как я израсходовала все патроны. В конце концов можно провести экспертизу. Короче, я притихла и стала вести себя как мышка. Правда, хватило меня ненадолго. Надо было заниматься Светланой.

– Как она? – спросил тут же озаботившийся Корнейчук. – Жива?

– Пульс очень слабый, – сказала я. – Боюсь за нее. Вдруг не довезем живой до клиники, что тогда? Надо было реанимацию вызывать, а не обычную бригаду. Мужчину-врача жалко. Видимо, благодаря ему Светлана осталась жива. Можно сказать, он закрыл ее своим телом.

Мы быстро перенесли девушку в «РАФ», и машина понеслась по городу в сопровождении двух милицевских «десяток».

Глава 5

До клиники мы добрались благополучно, никаких новых попыток покушения на раненую девушку не было. Всю дорогу я была напряжена, как снайпер, который целых полчаса водит туда-сюда стволом своей винтовки и не может поймать в прицел террориста, находящегося почти на виду.

«Рафик» остановился у высокого крыльца трехэтажного здания. Из стеклянных дверей тут же выскочили санитары с каталкой. Светлану положили на нее и повезли в здание. Я последовала за ней.

Поодаль от входа, прямо в фойе, стоял стол, за которым сидел охранник, – молоденький парнишка с наивным взглядом и стрижкой ежиком. Наверное, только что вернулся из армии. Его взгляд рассеянно скользнул по нашей кавалькаде. Привычная картина, что и говорить. Весь день сиди и смотри, как доставляют больных.

Санитары свернули направо и подкатили каталку к массивным дверям с надписью «Реанимация». Двери открылись, и люди в белых халатах скрылись за ними. Я тоже хотела зайти внутрь, но путь мне преградил пожилой врач в белой шапочке, накрахмаленном халате и в очках с толстыми линзами.

– Вы куда, милая девушка? – строго проговорил он. – Посторонним вход воспрещен!

– Я сопровождаю раненую, – твердо ответила я. – Ту самую девушку, Светлану, которую только что доставили в вашу клинику.

– Вы кто? Родственница? – осведомился мужчина.

Приехали. Начался перекрестный допрос с пристрастием. Что-то надо отвечать, или сейчас меня отправят восвояси с чувством невыполненного долга. Хотя Светлана и не была официально моей клиенткой, но я почему-то ощущала ответственность за нее.

– М-м-м... Я, так сказать, доверенное лицо.

– Доверенным лицам в реанимационное отделение вход также воспрещен. Это правило, которое распространяется на всех без исключения. Сюда допускается заходить только персоналу клиники.

Вот такую нотацию прочитал мне местный Гиппократ.

– Да, но... – я развела руками.

– Никаких «но»! Правила существуют для всех. Вот именно, для всех! И для вас тоже. Строгий дяденька. Старая закалка.

– Дело в том, – стала я объяснять, как могла, вежливо и доходчиво, – что мне необходимо быть рядом. Я – телохранитель. Понимаете?

– Не понимаю, – замотал головой доктор. – Кто телохранитель?

– Я.

Пришлось скромно потупить взор. Так хотелось, чтобы мне поверили!

– Вы, девушка?! – Линзы очков даже запотели, так он разволновался после моего сообщения. Его изумлению не было предела. – Вы – телохранитель?!

– А что, – недоумевающе спросила я, – разве так уж я непохожа на человека, который в состоянии охранять своего ближнего?

– Вы симпатичная девушка, только и всего. Будь я помоложе, – несколько игривым голосом произнес врач, – я бы взял на себя смелость поухаживать за вами. Да-да, рискнул бы.

– Вы лучше возьмите на себя смелость позволить мне побыть рядом со Светланой, – посоветовала я.

– А вот этого, извините, я вам позволить не могу. Охраняйте пациентку снаружи.

– Это как – снаружи?

– Это значит здесь, в коридоре. Кстати, и ваша помощь девушке может не понадобиться, у нас здесь работают свои хорошие специалисты по охране. Вот что я вам скажу.

Он что, имеет в виду того парнишку-охранника у входа? Неизвестно еще, на что тот способен. И если честно, то я сильно сомневаюсь, что в критической ситуации от него будет много толку.

Я оглянулась. Холл был просторен, вдоль стен стояли банкетки для посетителей, а на столах огромные вазы с цветами.

– Здесь, конечно, симпатично, но дело в том, что телохранитель должен находиться рядом с охраняемым. Нападение может быть совершено даже через окна. В конце концов, кто-то из обслуживающего персонала может оказаться в сговоре с преступниками, – начала было я.

– Чушь! – повысил голос врач. – Несусветная чушь! Персонал в сговоре с преступниками? Я никак не могу в это поверить, как, впрочем, и в то, что вы являетесь телохранителем.

– А если я вам это докажу?

– Каким образом? – засмеялся дедушка.

– За одну секунду я обезврежу вас, как будто вы террорист. Только обещайте, что не будете на меня обижаться.

– Обезвредите меня? – В голосе моего оппонента послышались гневные нотки.

– Еще раз прошу не обижаться на меня.

Через секунду старичок оказался в моих объятиях, беспомощный как младенец.

– Что такое! Пустите меня немедленно! Это безобразие, я буду жаловаться!

Я отпустила врача, поставив его на ноги.

– Теперь вы верите, что я могу постоять за своего клиента?

– Верю. Черт вас возьми! Вы – железная леди и сможете заставить поверить во что угодно. – Старичок пытался отдышаться и привести в порядок свой помятый накрахмаленный халат.

– Итак, на чем мы с вами остановимся? – спросила я.

– Вам нужен белый халат.

Резонно. Я не возражала, порядок есть порядок.

– Сколько он стоит? Я покупаю.

Старичок долго смотрел на меня, видимо, соображая, как быть со мной дальше.

– Не надо ничего покупать, я обеспечу вас всем необходимым. – Старичок засеменил впереди меня, впуская в реанимационное отделение. Он шел и бормотал себе под нос: – В конце концов, если здесь дежурят всякие крутые ребята, когда, бывает, подстрелят очередного местного крестного папочку, то почему не разрешить сделать то же самое очаровательной девушке?

Короче, через пять минут я сидела на белом массивном табурете рядом с кроватью Светланы. В белоснежном халате и с надеждою в душе. Халат мне обеспечил милый старичок, которого я про себя называла Гиппократом. Надежду в меня усиленно вселяла бригада врачей, колдовавших вокруг Светланы, которая до сих пор была без сознания. В ее локтевом сгибе торчала игла с длинной трубочкой, тянувшейся к капельнице, в носу была еще одна трубка.

Старичка в белом халате звали Владимиром Андреевичем – мне было просто совестно не познакомиться с ним после столь тесных объятий. Многие сотни пациентов, большинство из которых были гостями города Прибрежноморска, Владимир Андреевич вернул к жизни. Дело в том, что коренные жители славного курортного города – люди в основном закаленные, для которых главной живительной силой является морской воздух. Что касается господ приезжих, то они постоянно влезали в различные истории и сами провоцировали свои в здоровье: перегревались на солнце, перепивали пива, травились общепитовскими тефтелями, пытались тонуть в морских волнах и получали ранения. Последних Владимиру Андреевичу особенно неприятно было спасать. Он считал, что люди должны приезжать на курорт для отдыха, а не для кровавых разборок, за теплом и солнцем, а не за рваными и сквозными ранами.

– Это, случайно, не кома? – беспокойно спросила я, сидя на табурете и не отрывая взгляда от бледного лица Светланы. – Она придет в сознание?

– Будем надеяться, – осторожно произнесли врачи. – Ранение не опасное для жизни, но здоровье у девушки далеко не железное. Хрупкая девочка, как Дюймовочка.

О здоровье известной сказочной героини я ничего не знала. Хотя, насколько я помню, ей многое пришлось вытерпеть в жизни: мерзнуть в зимнем поле, дрожать от сырости в подземелье, страдать от порывов ветра, сидя на спине ласточки. Может быть, сравнение Светланы именно с Дюймовочкой неприемлемо? Ладно, будем считать, что врачам виднее.

Наступила глубокая ночь. В широкое окно, наполовину прикрытое белыми старомодными занавесками, заглядывали лучи уличных фонарей. В отделении царил зеленоватый свет, слегка приглушенный. К тому же было жарко, но я стеснялась спросить, почему в реанимационном отделении марокканский климат.

Приоткрылась дверь в палату и тут же закрылась. Врачи не обратили на этот факт никакого внимания, но меня он насторожил. Я встала, подошла к дверям и осторожно выглянула в коридор.

Все чисто. Ни одной живой души.

Я хотела было вернуться в палату и тогда увидела мужчину в белом халате, уверенно шагающего по коридору со стороны входа в клинику. Худощавый, зачесанные назад темные волосы, подбородок с ямочкой, глубокой и рыхлой. Человек не смотрел на меня. Скорее всего он обдумывал какую-то проблему, попеременно разглядывая то пол, то стены, то потолок. Человек держал правую руку в кармане, и вот это мне не понравилось.

Мужчина поравнялся с дверью реанимационного отделения, поднял на меня темно-серые глаза и произнес вежливым голосом:

– Здравствуйте!

Мне не оставалось ничего другого, как ответить.

Мне всегда было непонятно, как приветствовать людей, если на дворе ночь. Не желать же им спокойной ночи, если они проводят это время суток на ногах. Но что-то же надо ответить столь вежливому позднему визитеру. Ну ладно, пусть это будет так:

– Добрый вечер. – Я тянула звуки, изучая лицо незнакомца. Жалко, что я не физиономист. Хотя кое-что могу разглядеть между морщин и синяков.

Мужчина попытался отодвинуть меня от двери, и мне вроде бы не оставалось ничего другого, как посторониться, но я не торопилась этого делать.

– В чем дело? – удивленно спросил мужчина.

– Извините, вы кто? – в свою очередь спросила я, не трогаясь с места. – И зачем хотите пройти в палату?

– Вы что же, не видите? – недоумевал он.

– Не вижу, – настаивала я.

– Совсем не видите? – допытывался незнакомец.

– А что, по-вашему, я должна видеть? – произнесла я вслух, а про себя подумала: «Не на дуручку напал, дорогой мой». А что, взять бы да и сказать ему так.

Мужчина мотнул головой по часовой стрелке, чуть ли не доставая подбородком грудной клетки. Таким образом он пытался «сделать рекламу» своему одеянию.

– Белый халат видите?

– Вижу, – пожала я плечами, – но это мне ни о чем не говорит. На мне тоже белый халат.

– Ну ладно, мне некогда, – твердым тоном произнес мужчина и начал протискиваться в палату бочком.

Я твердо взяла его за руку с вполне ясным и неотвратимым намерением не пропустить навязчивого дядю, но он вдруг резко оттолкнул меня и ворвался в палату, одновременно вытаскивая руку из кармана.

А в руке был пистолет. И не простой ствол, как у всех до того виденных мной заинтересованных лиц в данной истории, а с глушителем. Видимо, он один из тех, чьи выстрелы я слышала на дороге.

Рука с пистолетом поднялась на уровень груди, чтобы произвести выстрел, но я успела подскочить и ударить по стволу кулаком снизу вверх. Если дядька в халате и успеет выпустить пулю, то пусть она застрянет в потолке, а не в теле практически незнакомой мне девушки Светланы.

Пуля и в самом деле застряла там, где я и планировала. Именно в потолке. Нанесен был вполне поправимый ущерб побелке и грунтовке, который я оценила бы рублей в тридцать. Именно столько средств ушло бы на раствор, количество которого уместилось бы в мерный стаканчик из пачки стирального порошка, на такое же количество шпатлевки и меловой пасты. Плюс работа, если учесть, что выемка пули будет бесплатной.

Мой следующий удар выбил из руки нападающего ствол, который отлетел к стене, окрашенной в теплый бежевый цвет. Следующим этапом по обезвреживанию террориста должно было стать мое действие, которое могло бы выглядеть так: я бросаюсь на мужчину и сбиваю его с ног. Да, должно было бы, но... если бы не помешало одно обстоятельство.

В окне, прямо за стеклом, нависла чья-то тень. Кому другому могло бы показаться, что нам явился призрак, но только не мне. Я сразу поняла, что там находится другой мужчина, и опять же с пистолетом в руке. Не знаю, как кого, а меня уже начинало тошнить от однообразия. Ну что за история?! Мужики и пистолеты, мужики и пистолеты. Появление женщины с базукой меня, несомненно, обрадовало бы.

Его цель была, конечно же, не я, не врачи-реаниматоры, не отделка помещения, а та же Светлана, до сих пор не пришедшая в сознание. Чего они все до нее докопались? Вот загадка века!

И что прикажете мне делать? Киллер наверняка готов в любую секунду выстрелить сквозь стекло в распростертое на операционном столе неподвижное тело девушки. А ведь он легко может попасть в цель! Так что же делать? Бросаться грудью на Светлану и прикрывать ее, ожидая, когда обезоруженный мною дядя поднимет ствол, поставит к стенке врачей с поднятыми кверху руками, подойдет ко мне и пустит пулю в голову? Сначала мне, а потом Светлане, за которой и охотится?

Короче, я поступила по-другому. Схватила табурет, на котором сидела несколько минут назад, и запустила его в окно. Сколько стоит стекло, к тому же не одинарное, а двойное, я не успела подсчитать. Слишком мало времени ушло на бросок, и слишком быстро табурет летел по направлению к окну.

Результатом моих действий были взрывной звук от разлетевшегося на мелкие и крупные осколки стекла, падение на асфальт человека с пистолетом и единодушный вопль участников воскресительного процесса. Поначалу они притихли и, не издавая ни единого звука, следили за процессом борьбы добра и зла в отдельно взятом реанимационном отделении отдельно взятой прибрежноморской клиники. В самом конце шоу все вострепнулись и что-то невразумительно загалдели, показывая пальцами на дверь.

Повернувшись назад, я увидела, что киллер исчез в дверном проеме. Я хотела было броситься следом и произвести квалифицированное задержание, но вовремя вспомнила одну из основных заповедей телохранителя: постоянно находиться рядом именно с тем телом, которое охраняешь.

Уже второго злоумышленника, не считая целой уличной бригады, я упустила. Но для этого были объективные причины. Разве не так?

И тем не менее у меня на душе кошки скребли. С одной стороны, я позволила преступнику скрыться, а с другой – нельзя покидать охраняемого. А то вдруг откуда-нибудь с потолка,

словно человек-паук, спустится некто третий, еще один из тех, кто жаждет крови девушки по имени Светлана.

Если разобраться, то меня еще нельзя считать приступившей к своим обязанностям, ведь договор не подписан и все мои действия по охране Светланы – сплошная моя личная инициатива. Правда, у нас и не было времени поговорить об этом.

– Послушайте! Что здесь происходит?! – возмутился неизвестно откуда появившийся Владимир Андреевич. – Что за беспредел?!

– Ничего особенного, – пожала я плечами. – Кто-то желает убить эту девушку. Вполне обычное дело в наше время.

– Обычное, говорите? – Ветеран операций по возвращению с того света снял свои очки и начал тщательно протирать их. – А может быть, вы правы. Для нас это уже вполне обычное явление – убить ближнего своего.

– Надо вызвать милицию! – воскликнула женщина-врач, росту которой позавидовал бы даже легендарный дядя Степа.

– Вызывайте, – устало я махнула рукой. – Мы с ней встретимся за сегодняшний день уже в третий раз. И начнем снова долго смотреть друг другу в глаза, мысленно спрашивая, что происходит. Я сама ничего не понимаю. Такое впечатление, будто полгорода ополчилось на Светлану. Устраивают на нее целые облавы! И кому она так успела насолить, интересно.

– А вы родственница девушки? – спросила другая женщина.

– Нет, мы знакомы всего несколько часов. Точнее не могу сказать, потому что сняла часы с руки, когда она ввалилась в мой номер.

– Как – ввалилась? – ужаснулась женщина-врач.

– Элементарно. Шла по коридору и упала. На мою беду, а может быть, на счастье девушки, это оказался мой номер. И вот теперь сижу я перед вами и отчитываюсь.

В этот момент Светлана открыла глаза.

– Надо же, стоило заговорить про вас, как вы пришли в себя! – всплеснул руками Владимир Андреевич, нагибаясь над девушкой. – Очень хорошо! Даже очень хорошо!

Я тут же подскочила к раненой. Я должна быть первой, кто задаст несколько вопросов.

– Как самочувствие? Нормально? Домой поедет?

Светлана смотрела на меня, видимо, прикидывая, на какой вопрос ответить в первую очередь – на первый, второй или третий.

Наконец она приняла решение.

– Нормально, – услышала я тихий голосок. – Где я?

– Не на небесах, это точно, – сказала я. – В тихом и спокойном месте, именуемом клиникой. Твой ангел-хранитель с тобой. Кстати, заходили два твоих друга, но уже ушли, даже не попрощавшись. Никакого воспитания.

Глаза девушки вновь закрылись. Кажется, она заснула. А я решила ненадолго покинуть помещение. Мне показалось очень интересным, как охранник мог пропустить в клинику постороннего человека, который был вооружен и очень опасен. Я выскочила в фойе и увидела, что парнишка расплзся по столу, уронив голову на его зеленоватую пластиковую поверхность.

Я тронула охранника за плечо, тот не пошевелился. Приложив палец к артерии на его шее, я убедилась, что парень жив, только находится в глубокой отключке.

Пришлось приводить его в чувство всеми доступными средствами, а доступно мне было только то, что было под руками, то есть сами же руки. Мои оплеухи не помогли, хотя и привлекли внимание медперсонала. Прибежали Владимир Андреевич и дежурная медсестра.

– С ним это обычное дело? – спросила я.

– В смысле... – не поняла дежурная сестра.

– Если парень любит поспать на посту, то это одно дело. Но если такого за ним не водится, то будем рассматривать происшедшее как нечто из ряда вон выходящее и требующее пристального рассмотрения.

– Вообще-то подобного за ним не водилось, – пожал плечами Владимир Андреевич.

Я нагнулась над парнем и принюхалась. Почувствовала приторно-сладкий запах эфира.

– По-моему, его просто усыпили, – высказала предположение я.

– Это мы сейчас поправим, – произнес Владимир Андреевич. – Принесите-ка нашатырь, Ольга Львовна.

Пухлая медсестра тут же испарилась, но вскоре появилась, держа в руке маленький коричневый пузырек и кусочек ватки.

– Я сама справлюсь, – сказала Ольга Львовна.

«Аромат» нашатыря, ударивший в нос парнишке, заставил его встрепенуться и открыть глаза.

– Вот блин! – Он заморгал белесыми глазами. – Что случилось? С чего вдруг вы здесь собрались?

– По твою душу, – сквозь зубы заметила я. – Спим на боевом посту? А в это время неизвестные злоумышленники пытаются застрелить пациента клиники.

Охранник переменялся в лице.

– Я? Да вы что! Да никогда! Не может этого быть!

– В самом деле, Алексей! – упрекнул парня Владимир Андреевич. – Как же ты пропустил бандита в клинику!

– Я никого не пропускал, – снова заморгал глазами парнишка. – Помню, был человек в халате, мы с ним поговорили.

– О чем? – спросила я.

– Не помню.

– Ты давно работаешь в охране? – задала я вопрос.

– Две недели.

– Ладно, пойдем, сам посмотришь, что произошло, пока ты тут отдыхал на полу, если тебя это интересует.

Картина разрушений в реанимационной палате привела парня в ужас.

– Не может быть... Не может быть, – как заведенный повторял он, словно его заклинило на одной фразе. Но наконец сдвинулся с мертвой точки, и оказалось, что охранник знает и другие слова. – Я все исправлю. Мне только нужны молоток и гвозди.

– Сначала запри входную дверь на задвижку, горе луковое, – посоветовала я.

– Только где мы сейчас найдем стекло, чтобы вставить его в раму? – посоветовала сестра. – Столяр придет только утром, а главврач нам голову оторвет.

– Вы ни в чем не виноваты, – сказала я. – Причина всему – криминал. Так что не берите в голову.

Прибыли милиционеры. Кто именно? Да, конечно, товарищ Корнейчук, собственной персоной! Увидев меня, он прямо переменялся в лице. То ли обрадовался, то ли, наоборот, пал духом. Пока мы разговаривали, охранник раздобыл в подвале старый стенд из ДСП и стал приделывать кусок плиты к оконному проему.

Я задала лейтенанту вопрос о милицейской охране раненой девушки, но услышала в ответ, что работы много, людей не хватает. Мол, с удовольствием бы, но войдите в положение.

– А мне что прикажете делать? – поинтересовалась я. – Я, кстати, сюда отдыхать приехала. На две недели всего. Прошло только три дня, и тут такая история.

– Вы все правильно говорите, девушка, – кивал головой Корнейчук. – Потерпите до завтра, пожалуйста. Завтра мы что-нибудь придумаем. Сейчас ни начальства, ни людей нет.

Только дежурные подразделения выезжают по вызовам. Обещаю, что завтра будет охрана. Хотя бы одного сотрудника, но выделяют. Нам бы по горячим следам отыскать тех шалопаев.

– Шалопаев? Вы так называете убийц, которые преследуют приезжую девушку? – усмехнулась я, пораженная формулировкой. – Кстати, одного из них я запомнила очень хорошо, если понадобится опознание, то я всегда готова участвовать в этом благородном начинании.

– Очень хорошо! – всплеснул руками Корнейчук. Еще немного, и он расцеловал бы меня.

Потом лейтенант устало вздохнул, снял головной убор и вытер розовым платком потную шею.

– Кстати, – спросила я, – вам не кажется, что эти ваши шалопаи, как вы их называете, обнаглели до предела? Даже лица своего не скрывают, не боятся, что их опознают при первом же удобном случае.

– Единственное, что могу сказать определенно, – заявил Корнейчук, – это не местные парни. Кто-то из заезжих. Думают, похулиганят и уедут спокойно домой. Но клянусь здоровьем родной бабушки, которой девяносто два года и притом она сама воду из колодца достает, я этого дела так не оставлю. Весь праздник псу под хвост! Мне уже давно пора дома сидеть, за столом! Рюмочку водочки поднять за День независимости!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.